

Н. П. СОКОЛОВ

К ВОПРОСУ О ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ ВИЗАНТИИ И ВЕНЕЦИИ В ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ ПРАВЛЕНИЯ КОМНИНОВ (1171—1185)

В настоящей статье дается анализ взаимоотношений Византии и Венеции в последние десять лет правления императора Мануила (1143—1180), в кратковременное „царствование“ Алексея II (1180—1182) и в первые годы пребывания у власти Андроника Комнина (1182—1185). Это было время упадка Византии, канун значительных событий, связанных с четвертым крестовым походом, когда Восточная империя сделалась жертвой экспансионистских устремлений западноевропейских феодалов, венецианской знати, купцов, арматоров и ростовщиков.

Правильное освещение взаимоотношений между Византией и Венецией в указанное время зависит от ответа на два конкретных вопроса: 1) были или нет восстановлены „нормальные“ отношения между Византией и Венецией при императоре Мануиле после событий 1171 г., когда по распоряжению базилевса венецианские купцы и резиденты на всей территории империи были внезапно арестованы, а их деньги, товары и имущество конфискованы, и 2) пострадали или нет венецианцы в момент погрома „латинян“ в Константинополе в 1182 г., когда „отшельник из Инея“, Андроник Комнин, покинув Пафлагонию, оказался на берегах Пропонтиды? Новая и новейшая буржуазная историческая литература — и по истории Венеции, и по истории Византии — отвечает на оба эти вопроса положительно; мы же полагаем, приняв во внимание всю совокупность данных источников, что на эти вопросы следует ответить отрицательно.

Остановимся прежде всего на первом из них.

Интересующие нас взаимоотношения могут быть освещены на основании трех источников: „Истории“ Никиты Дакмината и хроник венецианцев, — анонимного автора „Истории венецианских дождей“ и Андрея Дандоло.

Византийский историк, рассказав о бесплодности попыток венецианцев силой принудить Мануила к восстановлению прежнего положения венецианских купцов в империи и к возмещению причиненных им убытков, пишет: „Венецианцы, видя, что войной они не могут добиться ничего хорошего, заключили мирный договор с сицилийским королем, для того чтобы в случае войны он помогал им против ромеев. Император, узнав об этом по слухам, возобновил прежний союз с венецианцами, так как известно, что и малые причины порождают великие изменения и огромные бедствия. Хотя император и не мог добиться их разрыва с королем сицилийским, однако по их просьбе пошел

им навстречу и вернул им положение, подобное положению ромеев, которое они занимали ранее. Он согласился вернуть им все, что из их достоинства поступило в государственное казначейство. Однако и сами венецианцы, как опытные купцы, нашли более удобным и выгодным возместить свои потери получением 15 кентенариев золота. Эта сумма не сразу, а в несколько приемов и была им выплачена¹.

Венецианские хронисты, напротив, подчеркивают, что примирение не было достигнуто; восстановление же нормальных отношений с Византией они относят ко времени Андроника.

В „Истории венецианских дождей“ мы читаем: „Венецианцев же он (Андроник) освободил из тюрьмы, обещав вместе с тем путем ежегодных взносов выплатить и те деньги, что получил Мануил, и таким образом был восстановлен мир. Впрочем, указанные деньги полностью никогда не были выплачены“². В хронике Дандоло соответствующее место выглядит таким образом: „Император же (Андроник) потом, по просьбе дожа, охотно освободил всех захваченных венецианцев и обещал в скором времени возместить нанесенный им ущерб путем ежегодных взносов“³.

Таким образом, мы имеем два прямо противоположных высказывания по интересующему нас вопросу: византийский писатель утверждает одно, венецианские источники сообщают другое.

До середины XIX в. никакого единства в трактовке этого вопроса у историков не существовало: византинисты изображали ход событий, следуя рассказу Никиты Акомината, историки Венеции, даже если они и не были итальянцами, — согласно версии венецианских авторов⁴. Но с середины XIX в. под влиянием исследований Тафеля, Гопфа, Романина и Гейда, изучавших историю Византии и Венеции, их взаимоотношений и историю средиземноморской торговли, буржуазная историография стала отдавать решительное предпочтение показаниям византийца Никиты Акомината. В результате этого создалось известное единство в трактовке интересующего нас вопроса, выработалась схема, своего рода канон в изображении взаимоотношений между Венецией и Византией при последних Комнинах. Схема эта такова.

В 1171 г. император Мануил разгромил венецианские торговые фактории на территории Византийской империи. Венецианцы сначала силой, потом дипломатическим путем пытались восстановить свое прежнее положение в пределах империи. Потеряв надежду на успех, они заключили в 1175 г. договор с Сицилийским королевством, направленный против Византии. Напуганный этим, византийский император вынужден был пойти на сближение с Венецией: он восстановил прежнее положение венецианских купцов и обещал возместить причиненные им в 1171 г. убытки. После этого венецианцы снова в большом числе появились в Константинополе и других городах империи; именно они составляли основной контингент тех „латинян“, которые подверглись страшному погрому в 1182 г., в момент прихода к власти Андроника Комнина.

Этого „канона“ придерживались, например, из византинистов — Гопф, Герцберг, Арменго, Шаландон, Успенский, Йорга; из истори-

¹ Nicetae Choniatae Historia, de Manuele, lib. V, c. 9, p. 222 sq., ed. Bonn.

² Historia ducum Veneticorum. Monumenta Germaniae historica, Scriptores (MGH SS), v. XIV, p. 92.

³ Andreae Danduli Chronicon. Rerum Italicarum Scriptores (Muratori, SS), v. XII, col. 309.

⁴ I. F. Le Bret. Staatsgeschichte der Republik Venedig, Riga, 1769, B. I, S. 382.

ков Венеции — Романин, Хэзелит, Браун, Ходгсон, Кречмайер, Баттистелли, Мусатти; из историков, занимавшихся вопросами средиземноморской торговли и морского дела в Италии в средние века, эту точку зрения разделяли Гейд, Гейнен, Шаубе, Манфрони.

Разумеется, указанные авторы, как и многие другие, развивают только что изложенную „схему“, расходясь между собой в деталях, но не изменяя ее существа. Одни — и таких большинство — целиком и полностью следуют версии Никиты Акомината, другие снабжают рассказ различными смягчающими оговорками. Шаландон, например, пишет: „Мануил, чувствуя над собой непосредственную угрозу, открыл вновь переговоры... В результате нового обмена посольствами переговоры, повидимому, закончились заключением мирного договора“¹. При этом одни авторы говорят о заключении мира между Венецией и Византией непосредственно после 1175 г., другие, как, например, тот же Шаландон, относят его к самым последним годам правления Мануила². Одни утверждают, что во время событий 1182 г. пострадали почти исключительно и, во всяком случае, в первую очередь, венецианцы³; другие допускают, что венецианцы пострадали мало, — меньше, чем представители других итальянских городов⁴. Одни излагают события, прямо следуя выбранному источнику; другие „украшают“ изложение более или менее фантастическими подробностями: Арменго, Ходгсон, Браун, например, „обвиняют“ Венецию в том, что она напала на Византию в 1185 г. совместно с королем сицилийским, изображая это нападение как акт мести за погром 1182 г.⁵; Иорга придумал два выступления Мануила против венецианцев и две войны этих последних с ним, очевидно перепутав два царствования и сместив события 1124—1125 гг., имевшие место при Калоиоанне, на время правления Мануила⁶.

Впрочем, делались попытки „примирить“ данные Никиты Акомината с сообщениями венецианских авторов. Известны две такие попытки. Обе они принадлежат французским историкам — Арменго и Шаландону. Арменго допускает и соглашение Венеции с Андроником, заявляя: „Он освободил купцов, которые еще не успели воспользоваться благами трактата, заключенного с Мануилом, и обязался выплатить путем ежегодных взносов сумму возмещения убытков, на которую дал согласие Мануил“⁷. У Шаландона мы читаем: „Вслед за избиением латинян в 1182 г. при Алексее II был заключен новый трактат с Венецией; именно на этот трактат и делает намек Дандоло“⁸.

Однако с Арменго невозможно согласиться хотя бы в силу того, что он совершенно не объясняет, почему же одни венецианцы „смогли воспользоваться благами“ заключенного с Мануилом трактата, а другие не смогли, — не говоря уже о том, что в нашем распоряжении имеются грамоты, из которых видно, что убытки венецианцам причинил

¹ F. Chalandon. Jean II Comnène (1118—1143) et Manuel I Comnène (1143—1180), Paris, 1912, p. 59.

² Ibid., p. 592.

³ Ф. И. Успенский. История Византийской империи, т. III, М.—Л., 1948, стр. 302, 303.

⁴ А. Васильев. Византия и крестоносцы, Петроград, 1923, стр. 56.

⁵ J. Armingaud. Venise et le Bas-Empire, Paris, 1867, p. 108; H. Brown. Venice, London, 1895, p. 113; M. A. Hodgson. The early history of Venice, London, 1901, p. 293 ss.

⁶ H. Jorga. Histoire de la vie byzantine d'après les sources, v. III, Boucares, 1934, p. 35—36, 74—75.

⁷ J. Armingaud. Venise..., p. 107.

⁸ F. Chalandon. Jean II Comnène..., p. 592.

Мануил, а возмещать их согласился Андроник. Мнение же Шаландона должно быть отвергнуто на том основании, что Дандоло ничего не знает о каком-либо избиении венецианцев в 1182 г., он говорит только о событиях 1171 г.; при этом, рассказав о разгроме Константинополя в 1204 г., хронист с удовлетворением отмечает: „Ныне и злодейское преступление Мануила получило должное возмездие“¹.

Таким образом, обе эти попытки согласовать несогласуемое следует признать несостоятельными. Как уже было указано, мы полагаем, что установившаяся в буржуазной исторической литературе точка зрения по вопросу о взаимоотношениях Византии и Венеции в интересующий нас период является необоснованной и что в действительности после погрома 1171 г. никакого соглашения с Венецией вплоть до 1182 г. не было, а во время латинского погрома 1182 г. венецианцы не являлись пострадавшей стороной.

Для обоснования выдвинутого нами тезиса необходимо прежде всего пересмотреть установившийся в буржуазной историографии взгляд на вопрос о ценности показаний Никиты Акомината и венецианских источников.

Наиболее серьезным критиком венецианских известий противники венецианцев считают Гейда. Манфрони, например, пишет: „Все наиболее авторитетные критики и среди них в первую очередь Гейд, признают в этом случае правдивость Никиты“². С критики этого „критика“ и надо начать.

Гейд отдает предпочтение известию Никиты Акомината по трем мотивам: во-первых, Никита Акоминат был современником описываемых им событий, а Дандоло писал в XIV в.; во-вторых, Никита Акоминат был близок к императорской канцелярии и мог видеть подлинные документы; в-третьих, Андроник был „националистом“, врагом „латинян“ и уже поэтому не мог договариваться с венецианцами³. Ценность первого соображения значительно снижается, если принять во внимание, что не только Дандоло, но и анонимный автор „Истории венецианских дождей“ высказывает взгляд, несогласный с данными Акомината, — между тем этот автор являлся современником дожа Пьетро Циани, умершего в 1229 г.⁴ и, следовательно, был младшим современником византийского историка. Второй довод Гейда еще слабее первого, ибо Дандоло, как дож, не только имел доступ ко всем венецианским архивам, но и положил начало систематическому их собиранию: известные „Белые книги“ возникли по его инициативе. Третье соображение Гейда полностью опровергается документальными данными — частными грамотами, представляющими собой расчеты вознаграждения, причитающегося отдельным венецианским купцам за убытки, понесенные ими в правление императора Мануила и по его вине. В грамоте от ноября 1185 г. мы читаем: „Андроник, император Константинопольский в возмещение убытков, которые были в свое время (*tunc temporis*) причинены венецианцам, прислал в Венецию через наших послов столько золотых перперов, что по определению наших экспертов (*secundum quod nostri examinatores existimaverunt*) за каждый перпер потерь причитается половина золотого карата и половина венецианского динария“, т. е. около 2,5%⁵. Другая гра-

¹ Andreae Danduli Chronicon, col. 330.

² C. Manfroni. Storia della marina italiana, v. I, Livorno, 1899, p. 258.

³ W. Heyd. Geschichte des Levantehandels. B. I, Stuttgart, 1879, S. 246.

⁴ См. H. Simonsfeld. Historia ducum Veneticorum. MGHSS, t. XIV, p. 72.

⁵ R. Heynen. Zur Entstehung des Kapitalismus in Venedig, Stuttgart, 1905, S. 61.

мота от того же 1185 г. гласит: „В возмещение этих потерь Андроник, император Константинопольский, переслал в Венецию через легатов дожа сто фунтов перперов. Отсюда следует, что каждому за свои потери по расчету, сделанному экспертами (*facta ratione per prudentes viros*), которым было поручено это дело, причитается половина карата и половина венецианского динария за перпер“¹. Еще из одной грамоты видно, что речь идет о возмещении убытков, причиненных не самим Андроником, а Мануилом: „И у тебя было отнято в пределах Романии по распоряжению Мануила императора Константинопольского... и т. д.“².

Приведенные соображения и в особенности документы свидетельствуют скорее в пользу достоверности известий венецианских хронистов, чем показаний византийского историка. „Наиболее авторитетный критик“ в данном случае оказывается несостоятельным. Должно заметить, однако, что в то время, когда Гейд писал свою книгу, приведенные документы покоились еще в венецианских архивах.

Против Акомината говорят далее еще и следующие соображения. Ни „сторонники“ византийского историка, ни „сторонники“ венецианцев не могут представить государственных договорных грамот. Можно было бы предположить, что они потеряны. Но возможно и другое: договорная грамота от Мануила не сохранилась потому, что она и не существовала, а от Андроника — потому, что договор за краткостью бурного правления этого императора остался окончательно неоформленным, хотя и начал выполняться; второе предположение, с нашей точки зрения, более вероятно.

Далее возникает вопрос: если был заключен договор с Мануилом, то почему о нем не упоминается в договоре от 1187 г. с Исааком Ангелом и в договоре от 1198 г. с Алексеем III, хотя договоры с Алексеем I, Калоиоанном, самим Мануилом от 1148 г. названы. На этот вопрос „приверженцы“ Никиты Акомината не могут дать удовлетворительного ответа. Правда, в указанных договорах с Ангелами не говорится и о договоре с Андроником, — но причина этого вполне понятна. Андроник в глазах Ангелов был гнусным узурпатором, а венецианцы были достаточно тактичны, чтобы не настаивать на упоминании его имени: ценность для них представляла не бумага, а деньги.

Таким образом, и в силу этих соображений показания византийского историка не имеют никаких преимуществ по сравнению с известиями венецианских авторов — наоборот, эти соображения говорят скорее за большую достоверность последних.

Если мы далее обратим внимание на самый характер известий Никиты Акомината и венецианцев, то должны будем оказать предпочтение не первому, а вторым. В известиях венецианцев упомянуто много имен, приведена масса подробностей. Шесть посольств было направлено в Византию двумя дожами: три — Витале Микеле II и три — его преемником Себастиано Ццани. Мы знаем имена всех участников этих шести посольств, знаем, чем мотивировалось отправление к Мануилу того или другого из них, знаем ответы византийцев и практические результаты, которые они приносили, зарегистрирована смерть одного из послов во время исполнения дипломатической миссии, знаем, наконец, о впечатлении, которое производили ответы Мануила в Венеции. Венецианцы сообщают далее, что Себастиано Ццани, убедившись

¹ Ibid., p. 62; Documenti del commercio veneziano, ed. della Rocca e Lombardo, vv. I—II, Torino, 1940, № 359 (ниже — Documenti).

² Ibid., № 360; R. Heunen. Op. cit., S. 63.

в бесплодности этой бесконечной дипломатической волокиты, прекратил переговоры с Византией и заключил ряд соглашений с мусульманскими государями¹. Во всех этих известиях чувствуется живая жизнь и живые интересы. Совсем иной характер носят известия византийского историка.

Уже по этим соображениям заслуживали бы предпочтения венецианские источники, но мы настаиваем пока только на равноценности их известий с известиями Акомината.

Наконец, мотивировка действий Мануила — у Никиты — и Андроника — у венецианских авторов с точки зрения верности объяснения психологии действующих лиц, по меньшей мере, одинаково правдоподобна, хотя и в этом смысле преимущество скорее опять на стороне последних.

Чем мотивируется у византийского историка решение Мануила возобновить с венецианцами мирные отношения? Мы видели: боязнью. Этим же мотивируют поведение императора и буржуазные византилисты от Гиббона до Иорги и историки Венеции от Марина до Кречмайера и Мусатти². Основательно ли это соображение? Нам думается, что — нет.

Прежде всего, договор 1175 г. с королем Сицилии не был в действительности договором, заключенным Венецией *ad hoc*, для устрашения Мануила: он являлся продолжением договора от 1154 г., срок действия которого истек как раз к 1175 г. Затем, этот договор не был направлен против Византии; в его политической части речь шла лишь о размежевании „сфер влияния“ в Адриатике, причем за Венецией признавалось побережье от Дубровника до Анконы, а за Сицилийским королевством — остальное побережье к югу от этих пунктов³. Гейд утверждает, что именно этот пункт и был, — правда, косвенно, — направлен против Византии⁴; полагаем — нисколько: он означал только, что если сицилийцы по старой норманнской традиции нападут на Драч или Валлону, то это не будет касаться венецианцев. Понимая малую силу доводов этого „авторитетного критика“, Манфрони попытался подкрепить их соображением, что, кроме договора экономического, был заключен еще тайный политический договор, по которому Венеция вместе с Сицилийским королевством собиралась воевать против Византии⁵. Но, во-первых, в известном договоре 1175 г. есть не только экономическая, но также и политическая часть, а, во-вторых, если второй договор был секретным и до сих пор остается никому неизвестным, то, спрашивается, — откуда о нем узнал Манфрони? Его соображение есть только гипотеза и притом более, чем сомнительная. Шмейдлер в своей книге „Дож и Венецианская коммуна“ делает более серьезное предположение: Мануил мог не знать содержания известного нам договора⁶. Это, конечно, вполне возможно. Вспомним, однако, тогдашнюю международную обстановку. В 1175 г. Мануил находился в одном лагере с сицилийским королем. Вильгельму II, занятому войной с Фридрихом Барбароссой, было пока не до завоеваний на Балканах. Этим, вероятно, и следует объяснить то обстоя-

¹ *Historia ducum Veneticorum*, p. 81.

² H. Kretschmayer. *Geschichte von Venedig*, B. I. Gotha, 1905, S. 261; E. Musatti. *Storia di Venezia*, v. I, Milano, 1936, p. 80.

³ *Fontes rerum austracarum*, Documenta et Acta (FRA. DA), v. XII, p. 173.

⁴ W. Heyd. *Geschichte des Levantehandels*, B. I, S. 242, 260.

⁵ C. Manfroni. *Storia della marina italiana*, p. 257.

⁶ B. Schmeidler. *Der dux und das Comune Venetarium*, Berlin, 1902, S. 91.

тельство, что Венеция пошла на размежевание сфер влияния в Адриатике, о котором мы только что говорили, — размежевание, совершенно неприемлемое для нее: краеугольным камнем венецианской политики в Адриатическом море было — не допускать ни при каких условиях сосредоточения в одних руках его обоих берегов. Наконец, шестое венецианское посольство в поисках соглашения с Мануилом было отправлено в Византию после заключения договора 1175 г. и вернулось также ни с чем¹. „Испугавшийся“ Мануил был попрежнему непреклонен.

Мотивировка венецианскими авторами поведения Андроника нам кажется психологически более обоснованной. Андроник, по их версии, захватив власть путем насилия, боялся внешних осложнений и сразу пошел на соглашение с республикой на лагунах, как только послы дожда предстали перед ним².

Из всего этого следует, что интересующий нас вопрос не может быть убедительно разрешен в соответствии со свидетельствами Никиты Акомината. Нам думается, что ближе к истине в данном случае показания анонимного автора „Истории венецианских дождей“ и Дандоло.

Обратимся теперь ко второму из поставленных в начале настоящей статьи вопросов, — к документации событий 1182 г.

Кто подвергся расправе константинопольского народа в те дни, когда „латинофильское правительство“ протосебаста Алексея было низвергнуто, а новое — Андроника Комнина — еще не успело взять власти в свои руки? — Наши важнейшие источники — Вильгельм Тирский, Никита Акоминат и Евстафий Солунский — согласно отвечают: „латиняне“. Буржуазные историки нового времени не совсем согласным хором отвечают: „венецианцы, почти одни венецианцы, преимущественно венецианцы“ и т. д.

Так как ни в одном источнике — ни в византийском, ни в венецианском, ни в каком-либо другом — о венецианцах нет ни слова, то спрашивается, — на каком же основании новая и новейшая буржуазная историография видит в „латинянах“ преимущественно венецианцев? Цепь рассуждений буржуазных историков такова. Венецианцы примирились с Мануилом; жадной толпой устремились они в Константинополь и, наверное, среди „шестидесяти тысяч латинян“, находившихся будто бы (по известию Евстафия Солунского) тогда в Константинополе, составляли большинство, — следовательно, венецианцы главным образом и подверглись погрому в роковые дни 1182 г.

Но тут возникает вопрос: чем же все-таки объяснить, что венецианцы, никогда не прощавшие наносимых им обид и особенно материального ущерба, ни слова не говорят об этом? Чувствуя шаткость традиционного воззрения, некоторые исследователи вступили на путь оговорок и компромиссов. Так, Гопф, наткнувшись на грамоту, помещенную в собрании Тафеля и Томаса, из которой видно, что в 1183 г. один венецианец спокойно арендует в Константинополе доходные статьи венецианского патриарха, пишет: „Значит некоторые из венецианцев все-таки остались в Константинополе“³. Гейд, со своей стороны, в связи с той же грамотой и еще одним документом подобного же рода от 1184 г. говорит: „Частные грамоты от 1183 и 1184 гг. показывают нам, что, по крайней мере, отдельные венецианцы сохранили за собой

¹ *Historia ducum Veneticorum*, p. 90.

² *Andreae Danduli Chronicon*, col. 309.

³ К. Н о р ф. *Geschichte d. Griechenlands im Mittelalter*, Leipzig, 1868, S. 159, 160.

свое имущество"¹. Другие буржуазные историки прибегают к более „сильному“ средству для доказательства своего тезиса, — к прямой фальсификации. Так, например, Манфрони находит возможным заявить, что в договоре 1187 г. с Исааком Ангелом венецианцы предъявили требование о возмещении убытков, нанесенных им во время событий 1182 г.² Всякому, кто имел дело с этим договором, известно, что в нем идет речь о возмещении убытков, причиненных не Андроником, а Мануилом³.

Имеющиеся в нашем распоряжении источники позволяют утверждать, вопреки воззрениям буржуазных историков, что во время событий 1182 г. венецианцы вовсе не пострадали. Все предшествующие критические замечания по поводу источников, используемых обычно для освещения интересующих нас вопросов, преследовали только одну цель — расчистить почву для документально обоснованных доказательств этой точки зрения. *Argumentum ex silentio*, конечно, слабый аргумент, но и он имеет все же некоторое значение. Мы уже говорили, что источники не называют венецианцев в числе пострадавших, а венецианские источники вообще ничего не сообщают о событиях 1182 г., если не считать довольно смутного упоминания о них в одной частной грамоте⁴. Так, характерно, что Евстафий Солунский в 48-й главе своего сочинения „О взятии Солуни“, раскрывая понятие „латиняне“, которым он оперировал в 28-й, 29-й и 30-й главах своего труда, называет среди пострадавших людей из Пизы, Генуи, Тосканы, Ломбардии, но совершенно не упоминает венецианцев. Это обстоятельство с точки зрения сторонников опровергаемой нами теории является настолько странным, что Тафель счел необходимым дать специальное объяснение по этому поводу. Все дело, оказывается, в том, что „в это время в Константинополе особенно большую роль играли пизанцы“⁵. Конечно, это объяснение совершенно неудовлетворительно. Если пизанцы играли в то время особенно большую роль в византийской столице, то почему же тогда упоминаются генуэзцы, тосканцы и ломбардцы, не игравшие такой роли? Остается еще одно предположение: Евстафий „забыл“ о венецианцах. Это также невероятно, принимая во внимание те чувства, которые Евстафий питал к „земноводной змее, болотной лягушке, морским разбойникам с Адриатики“, как он называет венецианцев в своей речи по поводу освобождения Анконы⁶.

Но помимо этого важного, хотя, разумеется, и недостаточного *argumentum ex silentio*, в пользу выказанного выше предположения говорят прямые показания таких ценных источников, какими являются частные грамоты. Нам кажется, что как ни важны официальные документы, — но и характеризующие повседневную жизнь частные документы отражают реальную действительность не в меньшей степени, а иногда имеют и гораздо большее значение в качестве источника. В конце концов важно выяснить, в каких взаимоотношениях в интере-

¹ W. Heyd. *Geschichte des Levantehandels*, S. 246.

² C. Manfroni. *Storia della marina italiana*, p. 274.

³ FRA. DA, v. XII, p. 207. — „In redditione rerum, que Veneticis ablata fuerunt tunc... domini Manuele Comneno capti fuerunt“.

⁴ Эта грамота была опубликована в кратком изложении на итальянском языке еще Чекетти и 10 лет назад — в полном виде, на латинском языке — издателями названных выше „Документов венецианской торговли“ под № 331. Из нее видно только, что неаполитанский корабль, встретившись в море с венецианским, предупреждает последний, что в Константинополе бьют всех латинян.

⁵ G. L. Tafel. *Komnenen und Normannen*, Ulm, 1852, S. 119.

⁶ Ibid., S. 216, 217.

сущее нас время находились венецианцы и греки, существовали ли тогда между ромеями и „деловыми людьми с лагун“ хозяйственные связи и взаимоотношения или они были прерваны; вопрос же о том, Мануил или Андроник подписали договорную грамоту с Венецией и подписали ли ее вообще, имеет подчиненное значение.

Для выяснения этого вопроса могут быть использованы „Документы венецианской торговли в XI—XIII вв.“, не так давно опубликованные в Турине Рокка и Ломбардо; они состоят из разнообразных частных грамот числом свыше восьмисот, касающихся преимущественно торговых и денежных операций венецианских арматоров, ростовщиков и купцов. Нельзя сказать, чтобы это были совершенно новые документы: некоторые из них полностью или частично были опубликованы ранее, например Чекетти, Баракки, Гейненом¹; но многие, и притом чрезвычайно важные, опубликованы в упомянутом издании впервые.

Что говорят данные этих грамот по занимающему нас вопросу?

Они показывают, — притом совершенно согласно, — что „деловые“ взаимоотношения, торговые связи между Венецией и Византией, разорванные в 1171 г., не были восстановлены в течение более чем десяти лет, — до времени правления Андроника Комнина.

Мы видим прежде всего, что в период с 1171 г. до 1181 г. в городах и портах Византии венецианцами было составлено только два документа, в то время как за предшествующее и последующее десятилетия таких документов имеется большое количество. В период с 1161 г. по 1171 г. венецианскими купцами в византийских городах было составлено 55% общего количества деловых контрактов, — разумеется мы говорим о дошедших до нас и опубликованных документах, — тогда как в изучаемый период — лишь 1%, причем в следующем десятилетии, с 1184 по 1194 г. процент этот опять увеличивается до 28. В 60-х годах в греческих городах и портах было составлено 53 документа, в том числе: в Константинополе — 31, в Альмиро — 12, в Фивах — 5, в Спарте — 2, в Коринфе — 2, на Крите — 1. В 80-х и начале 90-х годов в Константинополе была заключена 21 сделка и в Фивах — 1. В интересующее нас время одна грамота приходится на Константинополь² и три — на Фивы³. Однако если мы повнимательнее отнесемся к константинопольскому документу, то убедимся, что и он должен был быть составлен до знаменитого декрета Мануила 12 марта 1171 г., а фиванские документы представляют собою оригинал и две снятые с него копии, т. е. в сущности один документ.

Впрочем, первое из этих замечаний требует некоторых пояснений: мы полагаем, что издатели поместили константинопольский документ в числе таких, которые относятся ко времени после мартовских событий 1171 г., по очевидному недоразумению, так как этот документ неправильно датирован маем 1171 г. вместо марта того же года. К такому заключению мы приходим на основании следующих соображений. По эдикту Мануила от 1171 г. венецианцы повсюду были арестованы; ими наполнены были не только тюрьмы, но и монастыри, их ловили на море, в портовых городах и в городах внутри страны⁴.

¹ B. Cechetti. La vita dei veneziani fino al 1200 (Archivio Veneto, v. 2, 1871); Baracchi. Le carte del mille e del millesimo che si conservano nel R. Archivio Notarile di Venezia (Archivio Veneto v. VI—X, XX—XXIII); R. Heynen. Zur Entstehung des Kapitalismus in Venedig, S. 66 ff.

² Documenti, № 241.

³ Ibid., № 273, 274, 275.

⁴ Ibid., № 316, 336, 338, 369, 396 etc.

Проведение этих репрессий потребовало времени и растянулось, несомненно, на недели. В таких условиях совершенно немыслимым является составление в Константинополе завещания, которое спокойно регистрируется имеющимися в Константинополе и правильно функционирующими венецианскими властями. В свете сказанного становится ясным, что *madii* интересующего нас документа издателями указано вместо *martis*, или какого-либо иного наименования месяца марта. Эта корректура ставит документ на свое место: делается совершенно понятным, что завещание составлено и засвидетельствовано не в мае, а в марте 1171 г., т. е. до разгрома венецианских факторий в Византийской империи.

Таким образом, мы видим, что за 13 лет венецианцами не было заключено ни одной сделки в Константинополе; была заключена лишь одна сделка — в Фивах, в 1176 г. Все это говорит о том, что сеть венецианских факторий на территории Византии была разрушена и не восстанавливалась до времени императора Андроника. Пронырливый венецианец Сизинуло, к деятельности которого относится фиванский документ, представляет собою исключение.

Нужно, впрочем, заметить, что и деятельность Сизинуло протекала не без препятствий. Торговая компания Сизинуло—Вольтани возникла в 60-х годах XII в., когда Доменико Сизинуло и Витале Вольтани составили товарищество на паях, внося в общее дело по 7 фунтов перперов, т. е. по 500 золотых. Местопребыванием Доменико служил Константинополь, Витале — Фивы. Они направляли товары отсюда *per terram et per ipsos culfos*, т. е. сухопутьем и по морю, по заливам и проливам Эгейды. В 1171 г. их деятельность была прервана, товарищество потерпело большие убытки. Это видно из грамоты 1179 г., в которой Доменико Сизинуло выражает готовность в месячный срок представить своему компаньону отчет о сумме убытка, причиненного им действиями императора Мануила, по их общему делу¹. При этом Доменико находится не в Константинополе и не в Фивах, а в Венеции.

Торговая венецианская сеть была разрушена весьма основательно и восстанавливалась очень медленно: мы видели, что число венецианских грамот, составленных в греческих городах, в 60-х годах равнялось 53, а в 80-х и 90-х — 22, или соответственно 55 и 28% общего количества грамот, относящихся к этому времени.

Несколько фактов из истории торгового дома Майрано делают картину взаимоотношений Венеции и Византии в интересующее нас время еще более ясной. Дом Романо Майрано вел крупные торговые операции с Константинополем. Здесь находилась его главная контора. Помимо торговых операций, Романо по специальному контракту, заключенному им в 1169 г., арендовал в Константинополе доходные статьи и земли, принадлежавшие патриарху Градо.

12 марта 1171 г. разразилась гроза: последовал упоминавшийся нами уже несколько раз эдикт императора Мануила. Венецианцы искали спасения в бегстве. Майрано был собственником большого корабля, который поражал своими размерами современников, — как греков, так и „латинян“ и гиперболически именовался *Totus Mundus*² (об этом корабле говорит и Никита Акоминат, без достаточных оснований считая его кораблем греческим; упоминает его также Бонкомпаньо, автор по-

¹ Документ был опубликован еще Сачердоти и в цитируемом нами собрании грамот значится под номером 308.

² *Boncompagno Florentino, Liber de obsidione Anconae, Muratori, SS., v. VI, col. 929.*

вестования „Об осаде Анконы“ в 1173 г., где этот корабль фигурирует под именем своего собственника). Майрано, равно как и многие его соотечественники, воспользовались этим кораблем для поспешного бегства. Ускользнув от преследования греческих кораблей, они прибыли к берегам Сирии.

Лишившись позиций в Константинополе, Майрано переносит центр своей деятельности в Александрию. Сохранилась расписка патриарха Градо, выданная Майрано в 1172 г., — в получении от него 125 веронских фунтов в качестве арендной платы по упомянутому выше договору. Размер этой суммы свидетельствует, что Майрано рассчитался за два с половиной года действия договора — с 15 сентября 1168 г. (дата начала действия соглашения указана в нем самом), очевидно, по 12 марта 1171 г. (сумма годовой арендной платы составляла 50 веронских фунтов)¹. После изгнания венецианцев из Константинополя сделка становилась беспредметной, но контрагенты только через год убедились в том, что прежнее положение Венеции в Константинополе в ближайшее время не будет восстановлено, и освободили друг друга от принятых ранее обязательств: с этой целью в январе 1173 г. был составлен новый договор; правда, причина расторжения соглашения в нем не указана, но она ясна для нас совершенно так же, как и для тех, кто подписал договор².

В 70-х и 80-х годах деятельность Майрано разветвляется, как уже было сказано, в Александрии и в сирийских портах. В течение всего этого времени он продолжает расплачиваться со своими кредиторами в Венеции по сделкам, заключенным до 1171 г. — с платежом в Константинополе³. Разумеется, все эти платежи производились не в Константинополе, а в других городах вне пределов Романии, преимущественно — в Венеции. С 1170 по 1184 г. мы не встречаем ни одной сделки Майрано, ни одной его операции, которая бы предусматривала в качестве места платежа Константинополь.

Но в 80-х годах обстановка изменилась: Мануил умер, появились надежды на возвращение „потерянного рая“ на Босфоре. Андроник оказался сговорчивее своего предшественника, и мы видим, как уже в 1183 г. мелкий торговый венецианский люд возобновил в Константинополе свою обычную деятельность. Об этом свидетельствуют уже упоминавшиеся выше грамоты 1183 и 1184 гг. „Солидные“ фирмы, подобные дому Майрано, особенно не спешили — мир налаживался, но обстановка в Константинополе была напряженной. Майрано снова обосновался в византийской столице только в конце 80-х годов, хотя его операции с греками возобновились уже с 1184 г.

Все эти факты совершенно определенно говорят о том, что деловые связи венецианцев с греческим миром были прерваны в начале 70-х годов и возобновились только со времени Андроника. Это значит, что при императоре Мануиле мирные отношения между Венецией и Византией не были восстановлены, — вопреки свидетельству Никиты Акомината.

Документы, однако, дают возможность и непосредственно прийти к такому выводу: в одном из них сохранилось прямое свидетельство того, что в 1181 г., т. е. после смерти Мануила, мир с Византией еще не был заключен, но существовала перспектива вероятного его заключения в недалеком будущем. Мы приведем это место из нашего

¹ Documenti, № 245.

² Ibid., № 249.

³ Ibid., № 252, 267, 280, 329.

документа полностью: „Указанное выше соглашение было заключено в Риальто, в феврале месяце 1181 г., индикта 15. В соответствии с этим соглашением выше поименованный Якопо и его брат Филиппо обязаны уплатить в Венеции Гвидону Валерессо в течение одного года, после заключения мира между Венецией и императором константинопольским, пятьдесят веронских фунтов“¹.

Нам кажется, что нельзя представить более убедительных данных в пользу достоверности известия венецианского анонимного автора „Истории венецианских дождей“, который пишет: „Дож заключил (после окончательного провала переговоров с Мануилом) договоры с султаном Каиро (вспомним деятельность дома Майрано в Александрии) и другими мусульманскими государями, и ходили венецианцы во все земли в полной безопасности, свободно совершая свои торговые операции, кроме земель греческих...“²

Установив достоверность венецианской версии изложения событий, касающихся взаимоотношений Византии и Венеции в последние годы правления Мануила, мы проложили тем самым путь к правильному истолкованию событий 1182 г., к решению вопроса о том, пострадали тогда венецианцы или не пострадали и, следовательно, были дальнейшие взаимоотношения обоих государств осложнены этими событиями или не были. Мы уже говорили выше, что в нашем распоряжении нет никаких указаний на то, чтобы события 1182 г. затрагивали интересы Венеции, — скорее наоборот, из источников можно извлечь косвенные доказательства противного. Из приведенных выше фактов и вытекающих из них выводов совершенно очевидно, что венецианцы не могли быть сколько-нибудь серьезно затронуты событиями, происшедшими в 1182 г. в Константинополе: их в роковые для прочих „латинян“ дни в Константинополе не было, за исключением тех, которые еще находились в тюрьмах.

Разумеется, мы не думаем утверждать, что все арестованные в 1171 г. венецианские купцы и резиденты находились в византийских тюрьмах и в 1182 г. Нет сомнения, что некоторые из них по разным причинам получили свободу ранее, — это можно доказать отчасти данными тех же „Документов венецианской торговли“³. Однако из них с еще большей ясностью следует вывод, подтверждающий известия венецианских авторов и в этом отношении: начиная с 1183 г. появляются документы, представляющие собою свидетельские показания купцов, посаженных по распоряжению Мануила в тюрьмы и содержавшихся там долгое время⁴. Можно с большой вероятностью предположить, что до этого времени они не имели возможности дать такие показания, ибо находились вне сферы досягаемости венецианских юридических инстанций. Венецианские дельцы появляются в Константинополе с 1183 г., когда мирные отношения при Андронике были восстановлены, а сидевшие в тюрьмах греческих городов венецианцы получили возможность вернуться к себе на родину.

¹ Documenti, № 348: „Ipsam vero suprascriptam cautionis cartulam quondam tempore percurrente anno domini millesimo centesimo octogesimo primo mense februarii sub indictione quintadecima, Rivoalto, fecerunt scilicet ipse suprascriptus Jacobus et Phillippus ejus frater ad eundem Guidonem Valeressum, continente in ea quod postquam pax esset inter imperatorem Constantinopolitanum et Veneciam infra annum unum, ipsi debebunt dare et persolvere suprascripto Guidone Valleresso in Venecia libras denariorum veronensium quinquaginta...“

² Historia ducum Veneticorum, p. 81.

³ Documenti, № 316.

⁴ Ibid., № 336, 338.

Такое истолкование интересующих нас событий делает совершенно излишним всякое насилие над источниками в целях обоснования предвзятой точки зрения. Вместе с тем становится очевидной полная несостоятельность всяких предположений относительно участия Венецианского государства в нападении сицилийского короля на владения Византии в 1185 г. — участия, явившегося будто бы местью за погром 1182 г. Такого повода для нападения на Византию у Венеции во всяком случае не было. Еще менее оснований, как это нередко делается в буржуазной исторической литературе, рассматривать в качестве акта мести за те же события 1182 г. четвертый крестовый поход, искусно направленный венецианцами на Константинополь¹.

Все это позволяет считать доказанными, как нам кажется, следующие положения: 1) правильное освещение взаимоотношений между Византией и Венецией в последние годы правления династии Комнинов дает не Никита Акоминат, а венецианские источники; 2) несмотря на все усилия Венеции добиться возвращения своего прежнего положения на Босфоре, потерянного в 1171 г., усилия эти при императоре Мануиле не увенчались успехом, — мир восстановлен не был, торговые связи не возобновлялись и не было никаких надежд на возмещение убытков, причиненных венецианским купцам; 3) перспективы восстановления „нормальных“ отношений с Византией для венецианцев появились только после смерти императора Мануила, при Алексее II; 4) к моменту захвата власти Андроником Комнином венецианцы еще не сумели восстановить своего прежнего положения в Константинополе, и потому события 1182 г. их миновали; 5) только при Андронике Комнине им удалось, наконец, добиться поставленной цели, — заключить мирный договор с Византией и получить обязательство со стороны последней возместить ущерб, причиненный декретом Мануила; 6) неизвестно, было ли обложено это соглашение в форму трактата, но несомненно, что при Андронике началось выполнение его условий, — венецианцы вернулись в города Романии и прежде всего — в Константинополь, где они быстро начали развешивать свою торговую деятельность и получили первый взнос в счет погашения обязательства по возмещению убытков (в этой связи характерен тот факт, что хотя аристократически настроенные авторы венецианских анналов не могли сочувствовать внутренней политике Андроника, — для них он — узурпатор и убийца, — у них нет тем не менее никаких жалоб на его отношение к Венеции); 7) едва ли венецианцы принимали участие в походе сицилийского короля в пределы Византии в 1185 г.; они должны были с большим вниманием и тревогой следить за успехами Вильгельма II, так как не могли допустить сосредоточения в одних руках обоих берегов Адриатического моря; именно этим объясняется, что при Ангелах, несмотря на договор 1175 г., Венеция приняла на себя далеко идущие обязательства по защите империи против сицилийских авантюристов.

¹ H. Kretschmayer. *Geschichte von Venedig*, B. I, S. 276; G. F. Herzberg. *Geschichte der Byzantiner und des Osmanischen Reiches*, Berlin, 1883, S. 322.